

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1918–1919 ГГ. В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР А.А.МАКСИМОВА

Садыкова Р. Б., кандидат исторических наук

KAZAN PROVINCE IN 1918–1919 IN DOCUMENTS AND MEMOIRS OF CORRESPONDING MEMBER OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR A.A. MAKSIMOV

Sadykova R. B.

Судьба Александра Александровича Максимова на фоне судеб многих отечественных ученых, в том числе философов, выглядит достаточно благополучной и успешной. Хотя время, в которое ему досталось жить, не особо к этому располагало. А. А. Максимов родился 3 августа 1891 г. в станице Нижне-Увельская (ныне г. Южноуральск Челябинской области) Троицкого уезда Оренбургской губернии. Рождение в семье сельского псаломщика могло сподвигнуть его пойти по стопам отца, однако Александр выбрал другой путь. После окончания с серебряной медалью Троицкой гимназии в 1910 г., он поступил в Казанский университет на медицинский факультет. В 1911 г. перевелся на естественное отделение физико-математического факультета. В студенческие годы будущий философ активно участвовал в революционной деятельности, был членом партии эсеров, с началом 1-й мировой войны занял интернационалистскую пози-

цию и распространял антивоенные листовки¹.

Вместе с тем Александр успевал заниматься и научной работой. Он был одним из учредителей, активным участником и председателем студенческого Менделеевского кружка, созданного на факультете в 1914 г. В заседаниях кружка, руководителем которого был избран профессор А. Я. Богородский, принимали участие не только студенты, но и преподаватели факультета. А. А. Максимов неоднократно выступал на заседаниях кружка с различными докладами (например, «Об улучшении преподавания химии», «Студенческие научные кружки и направление их деятельности», «Наука и мировоззрение»), а реферат «О ценности науки», «вследствие глубины затронутых в нем вопросов и широкой их постановки», вызвал большой интерес собравшихся, оживленные прения и большое количество выступавших ораторов².

После окончания университета в 1916 г. А. А. Максимов был оставлен на кафедре химии для подготовки к профессорскому званию. Одновременно с осени 1916 г. до января 1918 г. он преподавал химию и товароведение в Казанском коммерческом училище. Однако политические события 1917 г. серьезно вмешались в жизненные планы. В 1917 г. на выборах в Городскую думу и Учредительное собрание Максимов выступил за «большевистские» списки (хотя в РСДРП(б) тогда еще не состоял), тем самым вызвав недовольство преподавательского состава Коммерческого училища. В конце 1917 г. Александр Александрович покинул Казанский университет, а в январе 1918 г. оставил преподавание в Коммерческом училище и перешел на работу в культурно-просветительный отдел городского Совета рабочих депутатов³.

В феврале 1918 г. А. А. Максимов по рекомендации Я. С. Шейнкмана и Г. Ш. Олькеницкого был назначен комиссаром народного просвещения Казанской губернии⁴. Одним из первых документов губернского комиссара стало постановление об организации волостных, уездных, губернских, городских отделов по народному образованию при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁵.

15 февраля 1918 г. вновь назначенный комиссар пока еще на бланке Попечителя Казанского учебного округа извещает директоров народных училищ Казанского учебного округа о том, что должности директоров и инспекторов народных

училищ упразднены, в связи с чем необходимо немедленно передать все делопроизводство в соответствующие отделы народного образования при местных Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов⁶.

Молодому комиссару в рамках своего ведомства приходилось решать массу злободневных вопросов, и в первую очередь, организационных, финансовых и кадровых. В архиве Казанского губернского отдела народного образования хранятся протоколы Совета отделов (впоследствии – коллегии) и Президиума отдела по просвещению с участием А. А. Максимова. Так вот, в период с 1 января 1918 г. до 20 февраля 1919 г. было проведено 93 заседания. В конце одного из протоколов сохранилась такая запись: «На этом заседании в 11 ч. ночи закрывается»⁷.

Интенсивность работы сотрудников в период становления ГубОНО отражают и такие цифры: за январь 1918 – февраль 1919 гг. зафиксировано 10511 входящих и 15169 исходящих документов⁸. При всей колоссальной нагрузке специалисты комиссариата должны были соответствовать предъявляемым к ним высоким требованиям. 16 марта 1918 г. А. А. Максимовым был подписан документ, адресованный сотрудникам ведомства: «В виду того, что комиссариат просвещения должен давать пример по выполнению предначертаний рабоче-крестьянской советской власти, предлагаю: 1) всем служащим канцелярии употреблять для деловых бумаг новое правописание.

Для приучения себя к нему дается двухнедельный срок; 2) поднять интенсивность труда до наивысшей степени, каковая требуется общим затрудненным положением нашей республики, когда каждый должен напрячь все силы на служение ей»⁹.

Несмотря на сложившийся стереотип, что пришедшие к власти большевики стремились только «разрушить старый мир до основания, а затем...», становление системы образования в Казанской губернии показывает, что такие управленцы, как А. А. Максимов, пытались опереться на тот материальный и кадровый потенциал, который достался им от дореволюционной системы. К сожалению, в дальнейшем ситуация изменится, и не во всем в лучшую сторону. А пока... В мае 1918 г. от уездных Советов по народному образованию при Советах крестьянских и рабочих депутатов были запрошены сведения о том, в каком положении находится выдача жалованья учителям начальных училищ – за какие месяцы и в каком размере и из каких источников выдано жалование. Требовалось также сообщить, в каком материальном положении находятся земские городские высшие начальные училища, гимназии, реальные и другие учебные заведения. Необходимо было прислать и подробные сметы планируемых мероприятий в области народного просвещения (курсы, съезды и т. д.), если их предусмотрено организовать за счет государства. Вместе с тем, письмо предупреждало: «Имейте в виду тягчайшее финансовое положение Республики»¹⁰.

Тяжелым было не только финансовое положение молодой республики. Как известно, летом 1918 г. территория Казанской губернии была охвачена гражданской войной. В августе 1918 г. А. А. Максимов в числе других политических деятелей был арестован органами Комуча и приговорен к расстрелу. Жизнь его буквально висела на волоске, ведь 31 августа 1918 г. председатель следственной комиссии генерал-лейтенант Толубаев направил помощнику особоуполномоченного комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания письмо следующего содержания: «Препровождая ключ от комнаты бывшего комиссара Максимова, следственная комиссия сообщает, что с ее стороны не встречается препятствий к осмотру дел бывшего учебного округа и губернского комиссариата по просвещению с тем, чтобы дела и бумаги, уличающие Максимова в деяниях, уголовно наказуемых, были выделены из дел, касающиеся специально учебной части, и препровождены в следственную комиссию»¹¹. Чудом комиссару удалось избежать участи погибших в те дни известных революционеров Я. С. Шейнкмана, М. М. Вахитова, А. П. Комлева, М. И. Межлаука и быть освобожденным частями Красной Армии. Максимов с товарищами, захватив отобранное у охраны оружие, пробился навстречу наступающим красным войскам и участвовал в освобождении города¹².

С 10 сентября 1918 г. А. А. Максимов вновь приступил к обязанностям губернского комиссара на-

родного просвещения, а с ноября являлся еще и комиссаром высших учебных заведений Казани. Тогда же, в ноябре 1918 г. Максимов вступил в РСДРП(б). Под его руководством осуществлялось преобразование системы просвещения в соответствии с декретами органов советской власти: были закрыты медресе и православные духовные учебные заведения, начата кампания по ликвидации неграмотности, преобразованию земских и городских начальных школ в советские школы 1-й ступени, высших начальных училищ, гимназий и реальных училищ в школы 2-й и 3-й ступеней, в вузах открывались рабочие факультеты¹³.

Об этом периоде А. А. Максимов так вспоминал спустя 40 лет: «С февраля 1918 г. я работал в качестве губернского комиссара просвещения. Эта работа время от времени прерывалась военными событиями... В феврале-марте 1919 г. я регулярно посещал почти ежедневные занятия по военному делу во всеобщее. В апреле Колчак приблизился к Казани, занят был Чистополь... Вместо обычных советских органов создавались чрезвычайные... Приходилось временно свертывать работу по просвещению, школы опять пошли под лазареты и пр. В этой обстановке я получил ответственное задание губкома партии – возглавить ревком в Спасске»¹⁴.

29 апреля 1919 г. А. А. Максимов выехал из Казани на пароходе «Дема». Вот какое впечатление произвел на него уездный городок: «Спасск в 1919 году был маленьким уездным городком, население ко-

торого далеко не достигало и пяти тысяч человек. Никаких крупных зданий для помещения войсковых частей в Спасске не было. Поэтому красноармейцы разместились по школам и частным зданиям. Не было и топлива для нужд красноармейцев. Они вынуждены были заниматься самоснабжением по части топлива и, идя по линии наименьшего сопротивления, растаскивали дрова у школы, захватывали дрова и при перевозке, разламывали заборы, крыльца и пр. Эти по существу незаконные и неправильные действия усугублялись действиями отдельных недисциплинированных и разложившихся элементов – имел место разгром чайной губпродкома, расхищение сельхозинвентаря... Ревком боролся с этими отрицательными явлениями, доводя о каждом случае до командования соответствующих воинских частей»¹⁵. Максиму приходилось решать вопросы снабжения воинских частей продовольствием, обмундированием, фуражом. Как только фронт отошел от Спасска и воинские части покинули его, перед ревкомом встали другие вопросы, и главным из них стал вопрос проведения посевной кампании, так как весна была в разгаре. В конце мая он был отозван из Спасска, который и покинул 7 июня.

Остроту продовольственного вопроса комиссар просвещения наглядно ощутил и в своей поездке в г. Арск, куда он был командирован губкомом РКП(б) 27 июня 1919 г. В его задачи, судя по представленному отчету, входило проведение партийного собрания и заседания

комитета, а также митинга. Однако действительность внесла свои коррективы: «Первые два собрания были представлены одним собранием, так как число коммунистов во всей Арской волости 43 человека, в самом г. Арске около 30... Митинга нельзя было устроить, так как в Арске нет ни рабочих, ни воинских частей, а жители (около 1500) главным образом обыватели, привыкшие наблюдать жизнь из ворот своего дома, совершенно не привыкли посещать митингов, тем более, что их в Арске и не устраивается»¹⁶.

В ходе поездки Максиму удалось побывать в д. Тюбяк и ознакомиться с организацией народного образования в Арске. К сожалению, на втором вопросе в своем отчете он не остановился, а вот впечатлениями от бесед с крестьянами в д. Тюбяк поделился: «Крестьяне жалуются на «бедноту», которая получает хлеб по твердой цене, спекулирует табаком, солью... Некоторые крестьяне заявляют, что они не будут убирать свой хлеб, так как «это излишки, которые пойдут в Совет. Пускай Совет сам и убирает»... Крестьяне отмечают, что земля под озимое не вспахана во многих местах, и крестьяне ее пахать не будут, так как хлеб пойдет в Совет: «пусть Совет ее и пашет»... Много злободневных вопросов поднимали крестьяне приезжему начальству, например, о пользе свободной торговли. Рассказывали об инструкторе, приезжавшем зимой и ругавшем бога и говорившем о том, что он и без бога сделает так, что хлеб вырастет: «вот теперь бы приехал он, инструктор то, сделал

бы нам дождик. А то как есть, все высохло». Комиссару пришлось давать разъяснения сельчанам по этим вопросам. По итогам поездки он сделал такой вывод: «дело отнюдь не обстоит так благополучно, как изображают волисполкомы»¹⁷.

В июне 1919 г. состоялся 5-й губернский съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, где А. А. Максимов выступил с докладом, в котором постарался отразить процесс ломки старой системы и «широкое революционное строительство в области народного образования» в Казанской губернии. По мнению комиссара просвещения, организация школы на новых началах реально началась во второй половине 1918 г., с освобождением Казани от белочехов и с изданием 16 октября 1918 г. Положения о Единой трудовой школе. К лету 1919 г. преобразование школы в единую в общих чертах завершилось: «нет более ни гимназий с их классическими языками, ни реальных училищ, ни других типов учебных заведений. Есть советские школы 1-й и 2-й ступени»¹⁸.

Важным вопросом в процессе реформирования системы образования А. А. Максимов считал прекращение преподавания религии в стенах школ: «В целом ряде уездов вынос икон, а в мусульманских частях устранение преподавания религии повели к частичному и временному уходу части (иногда и значительной) учащихся из школы. Однако здравый смысл и те разъяснения, которые делались по этому поводу инструкторами по народному обра-

зованию и учительством и другими советскими работниками, привели к тому, что светскость школы проведена почти целиком: Закон Божий не преподается, иконы вынесены, изъяты из употребления картины и книги религиозного содержания»¹⁹. Вот это «почти» комиссар проиллюстрировал следующими примерами: в мусульманских школах Чистопольского уезда преподавание религии продолжалось по причине «недостаточной деятельности и сепаратизма мусульманской секции отдела народного образования», а в Спасском уезде под давлением «кулацкого элемента» в некоторые школы пришлось вернуть иконы.

Реализация идеи «трудовой» школы происходила путем введения в школах ручного труда (хотя крестьянским детям его, думается, и так хватало). Тем не менее, в школах внедрялись столярный, слесарный, переплетный, сапожный, портняжный, гончарный и другие виды ручного труда, а также корзиноплетение, плетение из соломы, лепка из глины.

В школах ряда уездов Казанской губернии трудовые процессы были организованы как метод наглядного усвоения учащимися учебного материала. Так, например, в Тетюшском уезде широкий характер приняли приемы лепки и рисования. В Мамадышском уезде «учащиеся делают куклы, одетые в одежды той или другой эпохи, изготавливают из глины геометрические тела», в Казанском уезде «применяют самостоятельность при изучении математики – дети, например, сами вычисляют, сколько они стоят в день семье»²⁰.

Следующими этапом должно было стать приобщение детей к сельскохозяйственному труду – полеводству, огородничеству, садоводству, пчеловодству и т.п. «Важность сельскохозяйственных видов труда для школ – чрезвычайная, – считал комиссар просвещения. – Из темных, тесных, душных школьных помещений, не снабженных не только пособиями по естествознанию, но и вообще часто ничем не снабженных, в том числе и стульями, столами или партами, учащие и учащиеся имеют возможность с весны выйти в необъятный мир природы с бесчисленным и богатейшим запасом всяческих пособий в виде вод, лесов, полей, оврагов, садов, огородов, растений, животных, насекомых – всего того, что есть в божьем мире в наших российских условиях»²¹.

В докладе наркома просвещения были обозначены наиболее острые проблемы, стоявшие перед системой образования Казанской губернии: во-первых, нехватка учителей – при потребности в 23200 школьных работников 14700 мест были вакантны. Во-вторых, недостаток школьных помещений. Особенно подчеркивалось плачевное состояние мусульманских школ: «ни одна мусульманская школа не имеет классной мебели и учебных пособий, дети сидят на полу калачиком и дрожат от холода»²². В-третьих, серьезным препятствием являлось отсутствие одежды и обуви у учащихся. Факты, которые приводил нарком в своем докладе, напоминают военные сводки: «В Спасском уезде упорядком после целого ряда отказов

раздобрился в последнее время и отпустил немного обуви и одежды... В Чистопольском уезде – горячие завтраки во всех школах; получили 5000 аршин мануфактуры и наряд на партию кожи... В Казанском уезде от упродкома одежды достать никак не могут и добывают таковую или случайно или скупая у крестьян самодельную ткань и изготавливая из нее одежду. Покупают шерсть для изготовления варежек. Покупают ичеги, валенки... В Мамадышском уезде получили от упродкома только 2–3 тысячи валенок и 800 шапок... В Свияжском, Тетюшском и Цивильском уездах почти ничего не сделано из-за отказа упродкомов снабдить одеждой, обувью или пищей»²³.

Неожиданным препятствием для проведения общедоступности образования оказалось отрицательное отношение части крестьянства к введению горячих завтраков. Например, в Казанском и Мамадышском уездах это было вызвано мнением, что «завтраки устраивают неспроста, а хотят детей записать в «коммунию» и будут их кормить кониной. В Лаишевском уезде возражение против завтраков заключалось в боязни последующих реквизиций»²⁴.

Острота положения в снабжении учебными пособиями заставила губернский отдел образования организовать подотдел снабжения и «скупать все, что удалось, в Казани, а также Москве и Петрограде. В Казани были куплены партия бумаги более 5000 стоп, все подходящие книги из магазинов Маркелова – Шаронова, Голубева, Башмаковой»²⁵. Кроме того, было организовано снаб-

жение школ наглядными пособиями, инструментами и материалами, в частности, заказано 500 верстаков, получен наряд на 6000 пудов железа, организовано снабжение школ семенами.

С 10 по 14 сентября 1919 г. А. А. Максимов совершил поездку по Свияжскому уезду, в ходе которой посетил ряд населенных пунктов и социально-культурные объекты в них. Свои впечатления комиссар изложил в своем отчете: «Одним из острых вопросов, которые поднимали крестьяне, был продовольственный (продразверстка). В Азеевском волысполкоме встретили разверстку холодно, если не враждебно. В Кушманском же прямо враждебно. Какой-то красноармеец, якобы возвратившийся с фронта, сразу начал говорить: «Это нарочито вызывают народ на возмущение», «Народ так не отдаст хлеб», «Хлеба столько и с соломой нет», «Урожай плохой был, яровые не то что жать или косить, щипать пришлось». Единодушно к красноармейцу присоединились и председатель, и другие члены волысполкома»²⁶.

Проезжая по селам и волостям, комиссар просвещения не упускал возможности знакомиться с состоянием учреждений образования и культуры – школ, клубов, библиотек (читален). Что же ему довелось увидеть? А то, что читальни, например, были организованы не везде, а где и организованы – фактически не существовали. Например, в Кушманах читальня, помещаясь в доме крестьянина, представляла собой кучку брошюр, частью разрезанных, частью

не разрезанных. Не разрезанными оказались брошюры «О строении советской власти», «Об организации коммунистических ячеек». А вот спросом пользовались брошюрки на практические темы крестьянского хозяйства. На вопрос комиссара, хотят ли крестьяне иметь читальню, те отвечали: «Да коли тут читать? Работа!» Знакомство с ассортиментом имеющейся литературы привело Максимова к выводу, что статьи в газетах и брошюры пишут люди, не знающие крестьянского быта.

Осмотренные школы также находились в плачевном состоянии. Из девяти школ состояние шести было неудовлетворительным: «В Кушманах одна мужская школа напоминает скорее баню в одну небольшую комнату: стена зияет дырой насквозь. Нет дров и поломаны стекла. Женская школа помещается в трех различных домах в различных частях деревни, нет вторых зимних рам, нет дров. Нет ни парт, ни вообще какой-либо классной мебели или учебных пособий. Лишь одно здание – медресе – несколько лучше, состоит из двух комнат. Однако ученики при занятиях должны сидеть на полу. В Азелеевской школе в общем приличная – два светлых класса с партами и кое-какими учебными пособиями. В Утяшевской школе из одного класса и одной комнаты для учительницы. Парты есть. Зимой в школе такой холод, что замерзают чернила и вода. В Тихом Плесе школа состоит из маленькой комнатки, стекла в рамах частью выбиты, учительница поповская дочь, а ключи от школы у попа. В Кобозеевском помещении школы – помещение

районного народного дома, в сравнении с предыдущими – дворец. Состоит из 4-х комнат, одна из них – зрительный зал со сценой. Помещение новое, светлое, чистое. Бывший барский дом. Является на общем фоне приятным исключением»²⁷. Вот такие впечатления собрал комиссар просвещения от своей поездки.

Далее жизненный путь А. А. Максимова проходил уже вне Казани и губернии. В октябре 1919 г. он добровольцем ушел на фронт в Красную армию, где был назначен комиссаром полка Первой кавалерийской дивизии. Участвовал в боях на Южном фронте и к осени 1920 г. уже исполнял обязанности комиссара и начальника Политотдела дивизии. Однако вскоре по болезни был демобилизован из армии и откомандирован в Народный комиссариат просвещения.

В конце 1921 г. А. А. Максимов был прикомандирован к 1-му Московскому государственному университету (МГУ) для научной работы. Он состоял научным сотрудником кафедры физики физико-математического факультета, преподавал философию и историю естествознания, а в 1926 г. возглавил кафедру истории и философии естествознания физико-математического факультета. В 1929 г. молодой ученый получил звание профессора и был включен в правление МГУ. В конце 1920-х гг. находился в длительной командировке в университетах и музеях Западной Европы, где ему удалось собрать большой материал по истории и философии естествознания.

В 1931–1932 гг. А. А. Максимов состоял заместителем директора по научно-исследовательской части Ассоциации естествознания Коммунистической академии ЦИК СССР. В 1934 г. ему было присвоено ученое звание доктора философских наук.

После ликвидации Комакадемии в 1936 г. и передачи ее институтов в ведение Академии наук СССР, А. А. Максимов работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором философии и естествознания Института философии АН СССР. 29 сентября 1943 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 1944–1949 гг. профессор философского факультета МГУ А. А. Максимов читал лекции по истории и философии естествознания, руководил аспирантами и дипломными работами студентов. В 1947–1953 гг. он также являлся членом редакционной коллегии журнала «Советская книга», а в 1949–1955 гг. – журнала «Вопросы философии», редактором изданий произведений Г. Гегеля, Э. Геккеля, Р. Майера, М. Фарадея.

В 1954 г. А. А. Максимов завершил свою научную карьеру – ушел

из Института философии АН СССР на пенсию, но еще 22 года занимался философско-политическими проблемами естествознания внештатно.

Заслуги А. А. Максимова были отмечены рядом высоких правительственных наград: орденами «Трудового Красного Знамени», Ленина, «Красной Звезды», «Знак Почета», а также медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «800-летие г. Москвы». В 1970 г. в связи с 50-летием Татарской АССР ученый был награжден грамотой Казанского Обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Татарской АССР, а также большой памятной медалью и значком.

Александр Александрович Максимов умер 28 июня 1976 г. в Москве. Его биография оказалась чрезвычайно богатой на события и вместе с тем является характерной для многих представителей передовой интеллигенции начала XX в. В преддверии 100-летнего юбилея ТАССР считаем важным вспомнить заслуги тех, кто стоял у истоков становления системы народного образования республики, в числе которых был и ученый А. А. Максимов.

Сведения об авторе: Садыкова Римма Барыевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: gimma231265@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена деятельности философа, члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Александровича Максимова, несколько лет жизни которого оказались связанными с Казанью и Казанской губернией. Здесь он окончил университет, а после Октябрьской революции 1917 года возглавлял комиссариат народного просвещения. В документах и воспоминаниях философа сохранились интересные сведения об обстановке на территории губернии и реформировании системы образования в один из сложных и драматичных периодов отечественной истории.

Ключевые слова: А. А. Максимов, философ, Казанская губерния, г. Казань, Казанский университет, комиссар просвещения, отделы народного образования, Единая трудовая школа, советские школы 1-й и 2-й ступени.

Abstract: The Article is devoted to the activities of the philosopher, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR Alexander Maksimov, several years of whose life were associated with Kazan and the Kazan province. Here he graduated from the University, and after the October revolution of 1917 headed the Commissariat of public education. The documents and memoirs of the philosopher preserved interesting information about the situation in the province and the reform of the education system in one of the most difficult and dramatic periods of national history.

Key-words: A. A. Maksimov, philosopher, Kazan province, Kazan, Kazan University, Commissioner of education, departments of public education, unified labor school, Soviet schools of the 1st and 2nd stage.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Ин-т Тат. энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4: М–П. С. 31.
- 2 Государственный архив РТ (ГА РТ), ф. Р-667, оп. 1, д. 2, л. 2.
- 3 Максимов А. А. Биографическая справка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=94099E3A-FAB0-9A4F-D1CC-94747CB1A3AF> (дата обращения: 20.12.2019).
- 4 Казанский университет (1804–2004): Библиографический словарь. Т. 2. 1905–2004. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 703.
- 5 Латыпова Г. М. Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг.: монография. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2013. С. 20.
- 6 ГА РТ, ф. Р-271, оп. 1, д. 78, л. 26.
- 7 Там же, д. 14, л. 41.
- 8 Там же, д. 108, л. 14.
- 9 Там же, д. 2а, л. 1.
- 10 Там же, д. 1а, л. 9.
- 11 Там же, ф. Р-667, оп. 1, д. 10, л. 3.
- 12 Султанбеков Б. Ф. Максимов А. А. // Борцы за счастье народное. – Казань, 1967. Кн. 1. С. 297.
- 13 Татарская энциклопедия: В 6 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Ин-т тат. энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. С. 31.
- 14 ГА РТ, ф. Р-667, оп. 1, д. 22, л. 1.
- 15 Там же, л. 16.
- 16 Там же, д. 15, л. 5.
- 17 Там же, л. 6.
- 18 Там же, д. 16, л. 18.
- 19 Там же.
- 20 Там же, л. 20.
- 21 Там же.
- 22 Там же, л. 23.
- 23 Там же, л. 25.
- 24 Там же, л. 26.
- 25 Там же.
- 26 Там же, д. 15, л. 28.
- 27 Там же, л. 31–32.